

Игорь Григорьян

Иллюзия
вторая.

Перелом.

12+

Игорь Григорьян
Иллюзия вторая. Перелом

«Автор»

2017

Григорьян И. В.

Иллюзия вторая. Перелом / И. В. Григорьян — «Автор», 2017

Лишь только свободные умы способны пренебречь внутренней химией существующего человеческого тела, переступить через свой собственный предел и вырваться на волю – вырваться из своего круга смертей и рождений – вырваться, чтобы погибнуть окончательно и раствориться безо всякого следа в зелено-голубой природе, а значит – стать этой самой природой – бессмертной, бесстрастной и всеобъемлющей. Вот почему благо – лишь окончательная смерть. Ибо только окончательное, как ясно следует из самого слова, отвергает даже время, оно не замечает его и презирает как несуществующее. Ибо окончательно – это всегда навечно.

© Григорьян И. В., 2017

© Автор, 2017

1

Мои руки сжимали ручку зонта в виде головы дракона, отчаянно пытаюсь нащупать в ней хоть какие-то признаки жизни, а ноги, повинаясь другой команде весело перебирали ступеньки лестницы, изо всех сил стараясь как можно быстрее вынести моё, всё ещё человеческое тело на улицу, залитую жёлтым солнечным светом.

Что-то неуловимое, но простое; что-то трудно осязаемое и, возможно, именно поэтому до конца неосознанное; что-то иррациональное, называемое человечеством интуицией или предчувствием; что-то неопишное незримо витало в воздухе и прокладывало мой сегодняшний путь...

Куда я двигался?

Конечно же, в счастье.

Зачем?

И здесь всё просто...

Если ты хочешь куда-то попасть – единственное, что необходимо делать – это идти. Молча перебирать ногами. «Молча» здесь не лишнее слово. Ещё Пифагору было известно о волшебной силе слова и о том, что реальность, какой бы она ни была, воспринимает единожды высказанное слово как проявленную материю, как свершившийся и уже реализовавшийся факт и она – реальность – более не заботится об осуществлении сказанного.

Она, реальность – не заботится.

Вы же сами можете заботиться сколько угодно.

Однако, и результат будет строго пропорционален именно вашим усилиям и возможностям – усечённым, но никак не природным – широчайшим.

Пифагор, например, заставлял своих учеников молчать, иногда даже месяцами, но не заставлял их сидеть обездвижено, ибо «перебирать ногами» можно и нужно не только внутри себя – мысленно, но и обязательно снаружи – телесно...

Куда я двигался?

Конечно же, в счастье.

Ведь другой дороги, кроме как в счастье, у природы просто не существует, что бы там нам не казалось в каждом из пройденных и нелепо потраченных временных мгновений, и даже – в каждой из прожитых жизней.

Человек всегда движется в сторону своего счастья, какой бы извилистой ни была его дорога, сколь непростым и отвесно-горным не случился бы его путь.

Даже самоубийца, стоящий на самом краю человеческой жизни уверен что его последний шаг в пропасть принесёт ему не что иное как успокоение, а значит – лишит его горестей и тревог, избавит от унылости бытия и одним, последним ударом истребит все существующие несчастья, оставив нетронутым лишь его личное, уже им где-то отобранное или у кого-то завоеванное – его персональное, ни с кем неделимое счастье.

И в его понимании этот последний удар пусть и болезненен, но мгновенен, пусть и горестен для окружающих, но нисколько не обременителен для него самого. Ибо достаточно часто можно решиться на одно болезненное мгновение ради спокойной и счастливой вечности.

Потому что таков его собственный путь в его собственное вневременное счастье...

Иначе, зачем этот последний шаг?

Зачем я сегодня вышел из дома? Зачем я делаю это каждый день? Зачем я бегу навстречу времени?

Зачем? Зачем? Зачем?

Стоит ли вообще задаваться этим заведомо ложным вопросом?

Стоит ли искать на него ответ?

Стоит ли требовать этот ответ у природы, которая выражает себя через доступные нам мысли и воплощает себя же в уже произнесённых словах и ставших видимыми реальностями?

Ведь нельзя найти выбор там, где его нет, а искренне спросить себя «зачем» можно лишь тогда, когда выбор всё-таки есть.

Когда выбор наличествует и пребывает.

Когда выбор бытует.

Когда он бурлит, водится.

Когда выбор живёт и клокочет...

Когда выбор главенствует!

Спросить себя «зачем» можно только тогда, когда выбор уже покинул своё прошлое, когда он уже стал настоящим, но ещё не успел достичь своего будущего, ведь будущее у любого выбора – лишь его упразднение и разрешение – его принятие, его конец, его гибель...

Будущее выбора – его смерть...

Вопрос «зачем» имеет лишь только одно право – право возникнуть, и это право не твоё – это право самого вопроса и, соответственно, не тебе решать когда это право будет использовано. Но, кроме права возникнуть, вопрос имеет ещё и обязанность, и тоже единственную – обязанность быть ответственным или разрешённым. И эта обязанность самого вопроса становится уже твоим личным правом – правом возникнуть и разобраться, правом понять, правом ответить – правом выбрать...

Твоим правом, но никак не обязанностью.

Но возникающее время от времени восклицание – «зачем?» – часто так и остается не ответственным, и вопрос, использовав своё право на возникновение, с твоей помощью получает абсолютную свободу, которую ты ему даришь, полностью игнорируя своё исключительно человеческое право раскинуть мозгами, задуматься, найти ответ. Это ведь всего лишь право, но никак не обязанность... Зачем же тогда размышлять?

К тому же, пока выбор не сделан – всё возможно.

И рождённый, а потом и взрослеющий вопрос так и витает в голове воскликнувшего, забываясь со временем, стираясь из человеческой памяти. В конце концов, он умирает, не выполнив своё жизненное предназначение быть ответственным, а значит – умирает, прожив совершенно никчемную жизнь.

Прямо как оголтелое большинство людей, которое после использования своих прав не всегда с тем же самым рвением желает выполнить и свои обязанности – а одно из нерушимых обязательств человека перед природой – легко принять не только свою жизнь, полную правами, но и неизбежную за ней смерть, успев между ними открыться, ответить самому себе, а значит – и миру...

Прав у человека сотни; мыслей, как реализовать эти права – десятки; идей – единицы; обязанность – всего одна...

И любой вопрос, по своей сути, ничем и не отличается от усредненного человека – будучи рождённым – он капризничает, противится неподвластным ему вещам, мучается в своём выдуманном несчастье и, в конце концов, умирает, так и не выполнив своё предназначение, так и не наполнив себя смыслом и ответами.

Вопрос, как и человек, запутывает сам себя – он избегает своих обязанностей, он глубоко зарывается носом даже не в поиски первопричины своего возникновения, не в поиски причин того ЗАЧЕМ он рождён и почему необходимо двигаться вперёд в своём разрешении –

он отвлекается от своей вопросной сути, он игнорирует насущную необходимость действовать, он занимается поисками совершенно новой структуры – возможности.

И нащупав её, из всего бесчисленного многообразия существующих возможностей он старается изыскать и использовать всего лишь одну – чисто человеческую, ленивую возможность – как ему оставаться на месте, как заморозить своё существование, как оттянуть свою смерть?

И главное – как при этом ровным счетом ничего не делать?

Как оставаться в том сладком миге, когда твоё право на рождение уже использовано, а жизненной обязанностью ещё можно пренебречь? Как оставаться в младенчестве, в детстве, в юности? Как затормозить ход времени и избежать взросления, старения, смерти?

Но если право родиться не подлежит никакому человеческому контролю, ведь на то оно и право – эта безусловная и неоспоримая данность, то единственную обязанность любого вопроса и человека – обязанность быть разрешённым – просто необходимо поставить под контроль – под свой собственный, человеческий контроль – под контроль своего разума и жёсткой логики всего существования.

Но человек ленится, он отступает от своего призвания, он отбивается от своего смысла. Отступает, чтобы в сотый или в миллионный раз воскликнуть – зачем это всё?! Зачем я живу, в чём смысл моего существования, в чём смысл жизни?

Воскликнуть, выплеснув наружу своё негодование и сожаление от несправедливости бытия, а через некоторое время успокоиться, вернуться к привычным вещам и, в конце концов, забыть о своём восклицании. И так до следующего мгновения просветления души, до следующей попытки постижения нового, до следующего возникшего словно ниоткуда вопроса...

Но если человек остановится на одно мгновение, если он попробует погрузиться в своё восклицание, попробует задуматься, попробует найти ответ, а вместе с ответом и смысл своего существования – он автоматически поднимется на одну ступеньку вверх.

А вверх – это всегда к Солнцу, с какой стороны Земли вы бы не находились.

Вот и получается, что всплывающие из ниоткуда вопросы контролируют мыслящего человека, развивают и направляют его, ведут его вперед. Ибо их личное, неконтролируемое человеком право возникать становится обязанностью думающего человека – обязанностью разрешить непонятно откуда возникшее, неизбежно и мощно донимающее и свободно витающее в голове...

Ведь любой вопрос, попавший в пытливым ум будет требовать свой собственный смысл, будет настаивать на своём разрешении, будет искать свою волю, будет требовать своей собственной смерти!

Таким образом, единственная обязанность любого вопроса – разрешиться, разродиться ответом на самого себя – становится человеческим правом, человеческой данностью, и всё, что необходимо для реализации этого права – это неспешно перебирать своими человеческими ногами – мысленными и телесными, неторопливо продвигаясь вперед.

Продвигаясь шаг за шагом, мысль за мыслью, учитывая, что выбора-то особо и нет, а есть лишь возникающие непонятно откуда вопросы, которые, как и люди обязаны быть осмыслены и отвечены, и которые всей своей жизнью и даже своей смертью делегируют человеку его право быть человеком.

Но только в мыслящей голове Право превращается в Обязанность – обязанность думать, сопоставлять и находить решения, а значит, и определять свой смысл.

И времени на это – одна только жизнь, один только миг, одно мгновение.

Возможно, лучше и логичнее потратить это мгновение, отмерянное не вами, но вам, на счастливое созерцание протекающих изменений, полностью осознавая каждый счастливый миг бытия? Возможно, это созерцание и предоставит такие необходимые, но совсем не обязательные ответы?

Сомнения, сопровождающие любое «зачем» возникают, как правило, ровно в тот самый момент, когда всё твоё человеческое естество противится простирающейся впереди дороге и словно вопрошает себя самое – а не проще ли мне остаться там, где я есть?

Не проще ли мне здесь, не спокойнее?

Не слишком ли крупными и неровными камнями вымощена простирающаяся вперед мостовая? Не сверх ли всякой меры тревожен этот путь, не избыточно ли опасна дорога?

Значит ли это что право на возникновение сомнения, пусть не твоё право – право чужое, абстрактное – право самого сомнения; и уже лично твоё собственное противление своему движению вперёд – тесно и неразрывно связаны?

Значит ли это что они сплетены в одну общую нить – с общим началом и общим концом?

Нет!!!

Тысячу раз нет!!!

Первично лишь твоё сопротивление собственному движению вперёд и возникает оно, пусть за одно лишь мгновение, но ДО самого вопроса, как раз перед самым первым, ещё не сделанным шагом. И возникший словно ниоткуда вопрос – всего лишь следствие собственного нежелания развиваться, а значит, и возникает он не из ниоткуда, а из человеческого страха, из боязни неизвестного, из присущей всем без исключения лени, и много ещё из чего. И всё перечисленное всегда сопровождает любое уклонение от своих обязанностей. Так что первично – само уклонение и программная человеческая ошибка – в нежелании, в страхе, в заблуждении.

В невежестве.

Но и на этом этапе честный ответ приведёт к такому же честному ответу, и родившийся из человеческого невежества и страха вопрос поведёт в бой, несмотря на маячащую впереди темноту и неизвестность. А ответ нечестный с большим удовольствием предоставит человеку подходящее оправдание и усыпит его ум, превратит абстрактное человеческое мышление в мышление животное, инстинктивное. Превратит свободу в рабство.

Неосознанное, непроработанное сомнение, как и неотвеченный вопрос будоражат, а неверно или нечестно разрешенные – успокаивают и расслабляют, оправдывают. Они снимают с человека его умственную ответственность и скидывают его на ступеньку вниз – к бессознательному, к животному.

И только правильно направленное внимание и игнорирование неизбежно возникающего страха – постоянного спутника углубления в неизведанное, приводят человека к верному ответу – они зовут, зная что будут отвечены, они указывают ему ту единственную, его личную дорогу, которая обязательно ведёт человека к своей мечте и увлекает в незабываемое приключение.

К той самой мечте, сформулировать которую сам человек наверняка ещё не в состоянии, но именно эта дорога и предоставит ему как лаконичную формулировку желаемого, так и путь к воплощению одного...

И только правильно отвеченный вопрос умирает счастливым – использовав своё право и выполнив свою обязанность.

Только дисциплинированный человек умирает с желанием, потому что использовав свои права и выполнив свою единственную обязанность он распознает смысл своего существования

– вдумчиво жить, передвигаясь от одного вопроса к другому, жить по своей совести, жить честно...

И сам этот путь и есть счастье.

Самое обыкновенное, избыточно наполняющее, простое и ясное человеческое счастье.

Всё остальное – лишь эрзац, суррогат, подделка, всего лишь искусственный заменитель, мошенничество и враньё.

Возникающий здесь конфликт разнесённых в противоположные концы мироздания прав и обязанностей чётко описывает и утверждает их природную неразрывность, их сплоченность и их единство, ибо конфликт тоже может соединять, более того – он обязательно это делает.

Есть право – значит есть и обязанность. По другому не бывает.

Человек всегда использует своё право на возникновение, и неизбежно, в течение своей человеческой жизни, соблазняется возникать из небытия вновь и вновь – он прельщается возможностью вновь рождаться и жить, продолжая игнорировать свои прямые обязанности и, тем самым, он – человек, лишь поддаётся инстинкту самосохранения, а точнее – инстинкту сохранения тела, другими словами – подчиняется своей внутренней химии, отрицает свою свободу принимать собственные решения, отрицает своё предназначение и отвергает свою волю.

Человек, всеми доступными ему способами, отсрочивает свою окончательную гибель, отсрочивает свою обязанность быть разгаданным и отработанным.

Ведь полное и честное исполнение всех своих обязанностей есть не что иное, как окончательное осознание своей сути, то есть, получение правильных ответов на любые существующие вопросы. Окончательное осознание – это обретение высшего знания.

Но это также и окончательная смерть человека, это конец его пути, это упразднение его человеческой сути. И это всегда упразднение за **НЕНАДОБНОСТЬЮ**... И высший человеческий пилотаж, высшая милость человеческого существования – это самоупразднение, это самовычеркивание, это самоликвидация. Тут речь не о самоубийстве, речь о саморождении...

Полнота знаний – это всегда перерождение человека в совершенно новое качество. И полнота знаний предоставляет перерождённому новые возможности уже нечеловеческого бытия. Или человеческого небытия, это уж как угодно.

И это небытие всего лишь бытие наизнанку, всего лишь бытие другого вида, возможно, более развитого, и потому – невидимого человеческими глазами.

Или специально сокрытого от них. Ибо неподготовленные глаза могут навредить даже одним взглядом...

Не навреди!

Лишь только свободные умы способны пренебречь внутренней химией существующего человеческого тела, лишь свободные умы способны переступить через свой собственный предел и вырваться на волю – вырваться из своего круга смертей и рождений – вырваться, чтобы погибнуть окончательно, чтобы раствориться без всякого следа в зелено-голубой природе, а значит – стать этой самой природой – бессмертной, бесстрастной и всеобъемлющей.

Вот почему благо – лишь окончательная смерть, благо – лишь свой окончательный ответ. Ибо только окончательное, как ясно следует из самого слова, отвергает даже время, оно не замечает его и презирает как несуществующее.

Ибо окончательно – это всегда навечно.

Окончательная смерть человека не имеет ничего общего со смертью телесной, со смертью физической. Только она, только бесповоротная, только вечная, и от этого – благая смерть,

с поклоном возвращает человеку то, что принадлежит ему по его человеческому праву – возвращает ему его истинное бессмертие.

Бессмертие другого порядка, бессмертие другой химии и физики, бессмертие без циклов и повторений, бессмертие бога, бессмертие великого замысла homo sapiens...

Обязанность – на то и обязанность, чтобы, в конце концов, каким-то образом, реализоваться, исполниться, осуществиться.

Ведь даже самая длинная, самая кривая, самая крутая дорога, пусть и отвесная – когда-нибудь, куда-нибудь, да выведет. И выведет неизбежно.

Куда?

Конечно же, в счастье... В обретение смысла человеческого существования, в переход из этого существования в существование уже нечеловеческое – в существование бога.

Да и нет других дорог у природы, просто нет...

– Зачем я бегу? – повторил я сам себе вслух и тут же услышал знакомый голос.

– Зачем? – вкрадчиво проговорил он, – зачем? Лучше спроси себя – куда? Куда ты так торопишься? – знакомый голос внезапно проник в мою голову и раскатисто там рассмеялся, – куда ты? Стой! – он поменял интонацию, словно предупреждал меня о чём-то надвигающемся, – стой же! – вдруг что было силы рывкнул голос, – стой, кому говорят! Стооооой–ой–ой!

От неожиданности, вздрогнув всем телом, я споткнулся на последней ступеньке заключительного пролета лестницы, и растянулся, размазавшись по бетонному полу. Можно даже сказать что я успел запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда, ибо споткнуться дальше было просто негде – за этим лестничным пролётом был яркий и солнечный летний день.

Моя нога неуклюже подвернулась и не в силах выдержать мгновением позже опустившийся на неё вес всего остального тела, как бы извиняясь за свою несостоятельность, с лёгким и негромким, но очень отчетливым и многозначительным хрустом, вывернулась в сторону, не предусмотренную природой при создании человеческого тела.

В сторону, совсем не предусмотренную. Нисколечко не предусмотренную.

При падении, острый осколок малой берцовой кости попытался пробить прочную и надежную, как оболочка космического корабля, кожу, раздирая её изнутри и одновременно разрывая под ней проводку моего корабля.

Авария в конструкции проявилась яркими и красочными гематомами по всей поверхности повреждённого отсека. Однако, мой корабль был выстроен качественно и с любовью, и кожа с лёгкостью выдержала не только натиск обломков малой берцовой кости, но и напор освобожденной от сосудистых оков красной и живой жидкости, правда, погрузив меня – всего и сразу – в пронзительную боль, к которой тут же добавилась не менее пронзительная гордость за прочность моего корабля... Ведь повреждения на первый взгляд выглядели незначительными – кожа-то была цела!

Изумление от быстроты всего произошедшего, уже с изрядной долей уныния от осознания того, что мой корабль требовал ремонта и, возможно, даже капитального, сами собой добавились к общей картине маслом и только сейчас я услышал эхо, гуляющее в моей голове.

– Стооооой–ой–ой! – наконец-то отзвучало эхо знакомым голосом и замолкло.

– Хрусь, – в тот же момент ответила голосу нога и поспешила отключиться от внешнего, чтобы не заразить своей болью весь остальной организм, который эту боль тут же перестал ощущать.

– Наверное, шок, – видимо, разговаривая с болью, вслух сказал я, а голос внутри моей головы тут же согласился:

– Конечно, шок! Так растянуться! Тебе не помешала бы таблетка анальгина. А лучше – ампула.

– Анальгин? Зачем? – я отвечал своему невидимому собеседнику мысленно, но радость уже заполняла меня целиком...

Я узнал бы этот голос из миллионов других голосов.

– Твоя нога не сможет долгое время удержать боль внутри и должна будет выпустить её наружу. Вот тогда ты её и почувствуешь. Анальгин помог бы тебе сохранить ясность мышления, чтобы не отвлекаться на боль.

– Ты думаешь что сейчас мне прежде всего необходим ясный и незатуманенный болью ум?

– Конечно. Ясный и незатуманенный болью ум необходим всегда! Ведь по какой-то причине ты вышел из дома, ведь так? А путешествовать, пусть и с выдающимся, но перегруженным болью мозгом – не самое приятное из существующих занятий, даже если твоё путешествие обещает быть совсем недолгим.

– Ты прав... – все внутри меня ликовало, и несмотря на сломанную ногу, я был полон радости и счастья – полон как стакан, в котором вода держится только за счёт поверхностного натяжения самой жидкости, выпирая из этого стакана и колышась в такт малейшему к нему прикосновению, – ты прав, прав, тысячу раз прав...

Я так боялся расплескать эту воду и в тот момент более всего на свете хотел сохранить эту радость в себе.

Некоторое время, продолжая лежать неподвижно на прохладном бетоне, я с интересом наблюдал за своей конечностью, которая увеличивалась прямо на глазах.

Бетон был холоден и тверд. Холоден так, как бывает холодна лишь затхлая погребная сырость, когда ты быстро спускаешься в глубокий подвал за банкой соленых огурцов, и тверд, как эта самая банка.

Последний лестничный пролет, отделявший меня от солнечного и живого дня стал моим погребом, стал моей добровольной, и надеюсь, недолгой тюрьмой на пути к моему же счастью, а я сам на мгновение превратился в солёный огурец, потому что, как и огурец – я был мягкий и живой, а бетонный пол – как стеклянная банка – был твёрдый и искусственный, если хотите – был мёртвый. И чувствовал я себя именно так, как и должен был себя чувствовать солёный огурец в закрытой банке – тюремно, закрыто, замурованно. Ведь огурцу, для того чтобы покинуть банку, а мне, чтобы покинуть подъезд, была необходима всего лишь помощь чьей-то руки. Помощь простой человеческой руки. Однако, руки, находящейся внутри банки не было, как не было и руки, способной достать меня из моего каменного заточения.

Человеческие руки, способные помочь, сами по себе редко выходят гулять, а их обладатели предпочитают пользоваться лифтом, и мысленно прикинув что помощи ждать особо неоткуда, собравшись с силами, я предпринял героическую попытку встать. Мой голеностопный сустав, верой и правдой служивший мне всю жизнь, сейчас более всего напоминал яркий воздушный шарик, неторопливо, но безостановочно надуваемый чьими-то невидимыми, но сильными губами.

Шарик, превращавшийся в огромный воздушный шар. В огромный сине-красный, местами даже лиловый шар с натянутой, как на барабане, резиновой кожей.

– Ахахаха, – притихший было в моей голове голос опять засмеялся, – думаешь не дождешься помощи?

– Думаю да, – мне удалось немного привстать и я опирался на стену и на здоровую ногу, – точнее, думаю нет, – я окончательно запутался, – думаю, не дождусь. Люди редко ходят пеш-

ком, – хоть и через силу, но я улыбнулся искренне и дружелюбно, адресуя свою улыбку окружающему меня пустому и гулкому, наполненному эхом пространству.

– Помощь уже в пути, – голос, казалось, знал о чем говорит.

– Если бы ты предупредил меня немного раньше, – совершенно без грусти и без упрёка произнёс я, – тогда бы я успел...

– Ни слова больше! – голос раскатисто засмеялся, – ни слова больше! – повторил он, – я предупредил тебя ровно тогда, когда это было необходимо. Да и могло ли быть по-другому?

– Но ты предупредил меня когда я уже падал, и я даже не успел воспользоваться твоим предупреждением – и вот – результат, – одними глазами я указал на пышущий полнотой, раздувшийся и пульсирующий голеностоп.

– Всё и всегда происходит вовремя, – голос продолжал гнуть свою линию, – не бывает ничего что происходило бы ранее или позднее намеченного срока.

– Хорошо, значит, это должно было произойти, – легко согласился я.

– А вот это уже совсем другой вопрос, – голос произнёс эти слова со смехом, словно предоставляя мне возможность самому подумать над случившимся.

– Постой, постой, – бросив беглый взгляд внутрь себя, я поймал внезапную мысль, – уж не хочешь ли ты сказать, что...

– Нет, – отрезал голос, – я ничего не хочу сказать. Ничего, кроме того, что ты хочешь сказать сам.

– Так ты сделал это специально?

– Но разве ты бежал не слишком быстро? – в голосе зазвучали вопросительно-оправдательные нотки.

– Возможно. Но я мог бы добежать и без травмы...

– Ну, наверное. Наверное, мог бы. Даже наверняка мог бы. Точнее, конечно, это возможно, – словно нехотя согласился голос, а потом немного помолчав, добавил:

– Да, да, ты мог бы добежать и без травмы. Только куда?

– Куда? – недоуменно повторил я.

– Да, – голос окончательно согласился со мной, – ты мог бы добежать и без травмы, но туда ли, куда бежал – вот в чём вопрос.

– Ага, – я кивнул головой, невольно задумавшись, – ты хочешь сказать, что...

– А может быть и нет, – голос пошёл на попятную, – откуда мне знать?

– Но...

– Никаких но! Что ты за человек такой если тебя смог остановить простой перелом! И если тебя ещё интересует твой конечный пункт – счастье, то спроси сам себя – зависит ли этот конечный пункт и изменилась ли дорога, по которой ты должен двигаться к нему из-за твоего падения?

– Зависит ли конечный пункт? Осталась ли дорога? – я растерялся ещё больше, – дорога, конечно, не изменилась, да и ведёт она туда же, но...

– Что за дурацкая привычка возражать! – голос стал строже, – раз ничего не изменилось, то я не вижу никакого, даже самого маленького повода расстраиваться, – и он рассмеялся, – тоже мне проблема – сломал ногу! Тьфу! – голос сплюнул и замолчал.

Я закрыл глаза и вдруг услышал свой собственный смех, гулко отскакивающий от жёлтых стен подъезда. Значит, смеялся всё-таки я сам.

Но, может быть, это вовсе и не мой смех разливался бьющимся и гулким, жёлтым эхом...

Этот голос я бы узнал из тысяч других голосов.

Да что там из тысячи...

Этот голос я не смог бы спутать ни с каким другим. Были у него какие-то особые интонации, была в нём никем ещё не написанная музыка, однако, позволявшая мне без ошибки определить его принадлежность.

Да что там интонации, что музыка! Были у этого голоса признаки, настолько индивидуальные и неповторимые, что ориентируясь только на них, я мог чётко и безошибочно, а главное – абсолютно однозначно определить его обладателя.

Во-первых – этот голос мог звучать только в полной тишине.

Во-вторых – этот голос был лишен всех известных мне страхов и волнений.

В-третьих, и так далее, в-четвертых, в-пятых – этот голос никогда не боялся, не завидовал, не сравнивал, не корил себя за проступки, никогда не чувствовал себя ничтожным и слабым, и ещё, пожалуй самое главное – этот голос никогда не ошибался...

Это был он...

Мой внутренний голос...

Мой дракон...

Моя мысль...

Мой Артак...

Мой ветер, уносящий меня вдаль и моя луна, которая своим солнечным отблеском освещала землю в непроглядном мраке ночи...

В этот самый момент дверь на улицу распахнулась и какая-то женщина в длинном сером плаще на грузном теле и в цветастом платке, покрывающим её голову, пятаясь задом и загромождавая собой уличный свет вместе с тёплым, солнечным ветром, протиснулась внутрь. Она что-то ворчала себе под нос, прикрывая за собой входную дверь и пытаясь совладать с вечно заедающим замком.

Какое-то необъяснимое оцепенение тут же навалилось на меня, словно мешок с песком. Навалилось и придавило своей тяжестью к холодному бетону.

Я, как будто попал под гидравлический пресс, словно из меня, как из металла, выдавливали весь лишний кислород, для того чтобы получить новую – чистую и сверкающую, плотную и однородную монету. Больно было даже вдохнуть, что вполне логично объяснялось этой самой тяжестью, но ещё больнее было выдохнуть – а это уже не поддавалось никакой логике.

Словно выжимаемый из моего тела воздух трансформировал меня самое в нечто другое, в нечто совершенно новое – в нечто плотное и сконцентрированное, в нечто однородное, равномерное, размеренное и ритмичное, в нечто ровное и жёсткое, в нечто цельное – сжатое и упорядоченное.

Тогда мне казалось – выпустив из себя весь воздух, моё тело тут же сморщится и скукожится, как спущенный воздушный шар. Поэтому тело и противилось выдыханию всеми своими силами, противилось, как могло. А как оно могло? Только одним способом – включив единственный доступный телу механизм контроля разума – и этот механизм – боль.

Боль, обычно сопровождаемая страхом, сегодня пришла одна, без попутчиков, точно так же, как эта незнакомая женщина с улицы, которая всё ещё стояла ко мне спиной и продолжала возиться с непослушным замком на входной двери...

Хотя, вполне возможно, что именно повреждённая нога, не в силах более сдерживать свою боль внутри себя самой, потихоньку освобождала её на волю, частями выпуская её из себя наружу – нога делилась болью с остальным организмом. Разделяла боль на малые, терпимые части. Ибо сама, одна, являясь всего лишь частью целого организма, она уже не могла терпеть целую и неделимую боль.

И организм поддерживал ногу как мог – взамен отданной ему боли, которую он распределил по всему телу, уменьшив таким образом её концентрацию в каждой отдельно взятой

точке, он делился с попавшей в беду конечностью всей своей силой, всей своей мощью, вложив её в поток свежей крови – неспешно, но неотвратно поступающей к травмированной ноге. И, конечно же, для того чтобы вложить в ногу свою свежую и морозную силу, организму пришлось таки предварительно освободить там для неё место и изъять оттуда часть боли, просто выплеснув её наружу, вынеся её вне, вышвырнув её вон. С этой задачей моё туловище, наученное эволюцией, прекрасно справилось. Исцеляющим бальзамом покрыло оно место разлома кости и разрыва связок, и теперь выглядел совершенно логичным тот факт, что чем сильнее была травма – тем больше лечебного бальзама требовалось и, следовательно – тем шире раздувалась моя нога.

Будучи одной, отделившейся от тела – она уже погибла бы, не в силах совладать с травмой, и если бы не ресурсы остального организма, готового её поддержать – ей пришлось бы совсем туго, если не сказать – пришлось бы невыносимо, несносно, запредельно тяжело.

Несмотря на прохладу в подъезде, внезапно меня бросило в пот, и так же внезапно, вдруг, я ощутил, что и само оцепенение, и даже пот, ручьями стекающий по моей спине, были не следствием травмы, а совсем наоборот – они были предвестниками чего-то, они пророчили нечто такое, что должно было произойти, нечто такое, что должно было вот-вот случиться.

И это что-то – не перелом ноги.

Ибо он уже случился.

Это что-то – произойдёт вот-вот. Произойдёт сейчас. В это самое мгновение. В этот самый миг. Произойдёт без задержки и без промедления, ибо время этого чего-то пришло.

Время пришло и стало диктовать пространству и событиям в нём свои необходимости...

Женщина, наконец разобравшись с замком, почему-то продолжала стоять ко мне спиной, словно скрывая своё лицо – можно было подумать, что ещё некоторое время она желает оставаться инкогнито.

Однако, спустя одно лишь мгновение, женщина сначала резким движением сорвала с головы свою цветную, цветастую косынку, и только после этого, немного покачнувшись, словно юла, теряющая свою скорость, резко повернулась на 180 градусов.

Серая и гладкая кожа, черные глаза-пуговицы, острый акулий нос и три ряда белоснежных зубов, растянутых в доброжелательной улыбке – передо мной стояла Агафья Тихоновна – самая добрая и знающая из всех известных мне белых акул.

– Я же говорил – помощь в пути, – голос Артака появился, как обычно, ниоткуда и прозвучал в моей голове ангельской музыкой, – а я никогда не вру. И никогда не ошибаюсь, – после небольшой паузы добавил он.

Моё тело медленно сползло по стенке, на которую до этого опиралось, перегруженное счастьем и радостью, а насколько мне известно – это одна из самых тяжелых человеческих нош (если, конечно, относиться к этому серьезно) – оно, судорожно открывая и закрывая рот, только и смогло произнести:

– Агафья Тихоновна... Вы... Артак... И вы... Здравствуйте... Здравствуйте...

Более всего сам себе я напоминал рыбу, выброшенную на сухой берег и конвульсивно, надрывисто, надсадно, беспокойно и нервически алчущую мокрой, живой воды.

– Конечно, а кто же ещё, – голос выпрыгнул из моей головы и материализовался в дракона – совсем небольшого, размером всего лишь в один лестничный пролет.

Он ласково дул на мою ногу, сдувая оставшуюся там боль, а акула уже держала в плавнике шприц, наполненный прозрачной жидкостью.

– Здравствуйте, здравствуйте! – весело произнесла она, одновременно проверяя все ли в порядке с иглой.

– Здравствуй, – тихо произнёс Артак и посмотрел мне прямо в глаза своим пристальным и немигающим взглядом рептилии, развеивая в пространстве остатки моей боли, – здравствуй, конечно же, здравствуй, – его глаза с вертикальным зрачком цвета Солнца проникали внутрь моего тела и щедро одаривали столь необходимой мне сейчас силой.

Кроме силы, взгляд дракона нёс какую-то волшебную, непостижимую человеческим умом, а значит – чудесную, магическую, колдовскую уверенность.

В сладостном и счастливом, но, все-таки, недоумении, в изрядной доле смешанном с восторгом от созерцания столь дорогих мне персонажей я крутил головой не в силах решить на ком остановить свой взгляд и кого обласкать вначале.

Совершенно случайно, зацепившись глазами за часы на своей руке, я отметил, что часы, казалось, ожили, и большая стрелка застыла за мгновение до того как показать двенадцать, а маленькая – почти приклеившись к большой – прыгнула на десятку.

Часы показывали последнее мгновение до десяти часов утра – не минуту, не секунду, а одно лишь мгновение до...

Часы зафиксировали его в пространстве и уже они оба застыли в неподвижности – и часы, с их мгновениями, и пространство – с событиями в нём...

Чувствуя себя совсем сумасшедшим, я перевел взгляд на шприц, который держала в своих плавниках Агафья Тихоновна.

– Метамизол натрия, – сказала она улыбаясь, – всего лишь метамизол натрия! Ну или анальгин – это одно и то же. И он вам поможет. По крайней мере, должен помочь, – добавила она хитро прищурившись и рассмеялась, – хотя и всего лишь на какое-то время, конечно.

Я покорно кивнул головой и перед тем как окончательно потерять сознание, всё-таки успел заметить что зонг, с которым я вышел из дома, лишился своей ручки.

На месте деревянной головы дракона торчала лишь блестящая и сияющая металлом, сверкающая стальным зеркалом алюминиевая рейка.

Дракон вновь ожил.

2

Темнота.

Единственное что было вокруг – темнота.

Хотя, пожалуй, кроме темноты было еще немного тьмы.

Тьмы и невежества.

Дракон опомнился первый:

– Он без сознания, – Агафья Тихоновна услышала драконью мысль внутри своей головы, – именно поэтому тут так темно. Но это не отсутствие света – это отсутствие мысли, а значит, и отсутствие самой жизни. Впрочем, выходит что это также и отсутствие всяческих иллюзий.

– Возможно, – в отличие от дракона она проговорила слово вслух, хотя в этом не было никакой необходимости.

Артак слышал её и так, бестелесно. Без участия органов физического тела. И, конечно же, без всяческих слов.

Акула широко распахнула глаза, надеясь на своё более совершенное, чем у человека зрение, но так и не смогла ничего увидеть. Она осторожно протянула вперед один из грудных плавников, стараясь нащупать что-то вблизи, но, опять-таки, бесполезно. Плавник легко и беспрепятственно уходил вдаль.

Это значило что на расстоянии вытянутого плавника было пусто. Или, скорее всего – была пустота. Пусто и пустота – совсем не одно и тоже. Пусто – это когда ничего нет. Нет даже пустоты, куда можно было бы протянуть плавник.

Пустота же, сама по себе, уже есть наполнение. Пустое место – это место, пустое от всего, пустое даже от пустоты.

И любое пустое место вначале должно быть наполнено этой самой пустотой, то есть наполнено небытием, из которого может родиться привычное нам бытие – может родиться само физическое пространство.

И уже потом, в этой пустоте, в этом только что зародившемся, прозрачном и ничем не заполненном пространстве возникает и всё остальное – видимое глазу и столь привычное и доступное человеку, животному, дереву – их взглядам, их ощущениям.

Доступное не только зрению, но и всем остальным органам чувств.

Много ли их? Чувств? Пять или больше?

Антон Павлович Чехов, в своё время, писал:

– Что значит умирать? Быть может, у человека сто чувств, и со смертью погибают лишь только пять известных нам, а последние девяносто пять остаются живы...

Кто знает...

Самому же человеку – человеку, а не его чувствам – и вовсе не может быть доступно ровным счетом ничего в существующем мире, ибо он сам и есть это всё – всё, что его окружает; всё, что внутри и снаружи; всё, что чувствуют его чувства; всё, что думают его мысли; всё, что осязает его тело, всё, всё, всё...

Может ли быть так, что сам ты совершенно вдруг, внезапно, без предупреждения и без вложенного труда становишься доступным сам себе?

Может ли быть так, что небытие из которого ты себя достал, крепко рванув за волосы, так быстро отступило и предоставило тебе в полное, безраздельное понимание, а значит, и пользование с исключительными правами, тебя же самого?

Может ли быть так, что ты, сотворив себя кем-то, доступным себе самому, осознал эту доступность сразу – без задержек, без проволочек и без временного контроля?

Может ли быть так, что познавая всего лишь часть – часть мира – себя, ведь ты когда-то считал себя всего лишь частью – может ли быть такое, что познавая себя самого ты безрассудно и беззастенчиво делаешь доступным себе и всё остальное?

Ведь на самом деле ты был, есть и будешь доступен себе всегда, но в большей степени эта доступность проявляется в небытие, в запредельном зрению мире, чем здесь – в воплощённой материи.

Чтобы получить эту доступность тут – придётся хорошо потрудиться. Ведь небытие уже ушло, оно отстало от тебя, отлипло, но всё ещё тянется, волочится, тащится, устремляется, жаждет... И эту незримую связь ты продолжаешь ощущать всё это долгое мгновение бытия, называемое жизнью, и именно это мгновение необходимо создавать и обустроить – для этого ты и тут.

И создавать придётся самому, а не ждать непонятно чего или кого. И создавать необходимо с любовью и радостью...

Следующий важный вопрос, полностью уравновешивающий все предыдущие – осознаешь ли ты эту необходимость?

Быть в бытие и осознавать это бытие – две одинаковых, равновесных гири. Гиря «быть» уравновешивает гирю «осознавать». А гиря «не быть» равняет стрелки весов с «видеть».

Только с таким грузом замирают общемировые весы в срединной точке – в точке коромысла, в точке отсчета – в точке, за которой начинается самая что ни на есть настоящая жизнь.

Только самая настоящая жизнь сравнивает и сверяет, сопоставляет, равняет, уподобляет эти понятия – «быть» и «не быть», она балансирует на грани и одного и второго – она соединяет, сцепляет, связывает. Она сосредотачивает, спаивает всё существующее, делая из него монолит. И там, где есть одно – обязательно есть и другое. И любое зависит от любого.

Жизнь, уже в бытие, но жизнь питающаяся небытием; жизнь, отрицающая как бытие, так и небытие; жизнь зовущая и то и другое; жизнь, отторгающая это зыбкое равновесие; жизнь, привлекающая его; жизнь, впитывающая содержимое его посуды; жизнь, создающая необыкновенные весовые гири; жизнь, выжимающая себя из себя самой.

Жизнь, выбрасывающая свой смысл так далеко, что не всякий глаз поймает этот далёкий свет, не всякое ухо услышит его звонкий гул и не всякий нос учует этот разноцветный запах – запах несущий, запах предупреждающий, запах созидающий.

Только в одном случае и свет, и гул, и запах становятся лично твоими и тебе понятными – если ты сам их создал, если в этот краткий миг бытия, если в это короткое мгновение всеобщего, но доступного тебе лично творения, если только ты успел создать свой собственный смысл, если только ты успел создать сам себя.

И если ты продолжаешь творить себя самое каждый новый, отпущенный тебе момент, продолжаешь несмотря на то, что тебе кажется что ты уже на месте, что ты уже пришёл.

Если ты продолжаешь продвигаться вперёд, и не во времени или в пространстве, ибо они ничего не значат, а в знаниях, в умениях и навыках, в мастерстве и уникальности.

Тогда всё существующее поступит к тебе в услужение, когда ты, словно художник, пишешь свою собственную картину. Когда ты скульптор, безостановочно высекающий свою скульптуру.

Тогда твои новые, приобретённые уже в бытие черты обязательно станут доступными тебе спустя всего лишь какое-то время – станут доступными автоматически, а время это необходимо только на осознание и принятие своих новых качеств, а значит – и принятие нового себя.

И точно так же, как ребёнку необходимо время, чтобы встать на ноги – тебе необходимо точно такое же время на осознание своей мощи, на принятие своей безграничной силы.

Тебе необходима энергия знания и принятия.

Тебе необходима энергия понимания – энергия самого времени...

И только один процесс творения – единый процесс, неразрывный – он доступен тебе всегда!

Он, но не его результат!

Результат просуществует всего лишь миг, тогда как сам процесс сможет питать тебя вечно. И эта вечность будет не человеческая, не ограниченная временными рамками жизни человеческого тела, эта вечность будет вселенская, где по необъятному закону творения и накопления опыта – вечно – значит – вечно, и нет в этом слове никакого намёка на временность, а есть только одно утверждение – вневременности, бессменности, бессрочности – утверждение бесконечности и необозримости.

Зачем тогда тебе глаза? Важны ли они на этом этапе? Так ли уж они необходимы?

Нет!

Один лишь опыт, один процесс, одно искусство!

Безрукое и безглазое, безухое, безносое искусство!

Не сама картина, не сама скульптура – они так и остаются доступными всего лишь твоему взору, твоему такту и твоему восприятию, но процесс их создания – вот что определяет саму вечность.

Да и сам человек, в принципе, не в состоянии обладать ничем, не в состоянии ничего присвоить. Ничего, что бы не являлось им самим!

Таков его дар и его же проклятие – творить и отпускать, отрезая от себя по частям и распространяясь этими частями по всему миру; творить, распыляя себя в пустом пока ещё пространстве и заполняя это пространство своей собственной плотью; творить, заливая отпущенное ему время своими действиями и наполняя своей кровью все существующие пустоты и впадины – как временные, так и пространственные; творить, сглаживая их остро сшитые края и затупляя опасные, колючие вершины...

Ведь затупить торчащий, острый камень на своём пути нельзя ничем другим, кроме как своей плотью, а заполнить ущелья и впадины получится только лишь с помощью собственной крови.

И натываясь на острое, ты неизбежно оставляешь на нём куски своего тела – но лишь для того чтобы тут же обрасти новым мясом – ярко-красным, свежим и вкусным, дерзким, сильным, выносливым.

И наполняя своею кровью ущелья и впадины ты растекаешься по всем вершинам, чтобы на одной из них, громче всех тебя зовущей, наконец-то скинуть с себя нелепые одежды, оставив в пришитых карманах все свои надежды и чаяния.

И тогда, освободившись от ненужного тебе более балласта, став нагим и свободным, ты поднимешься ещё выше – поднимешься прямо по воздуху, не по камню – по воздуху, который уже не может тебя ранить, и поднявшись даже выше него, выше воздуха, ты поймешь, что выжить – не самое главное.

Самое главное – сохранить.

И сохранить себя – это одно, а выжить – иногда совсем противоположное.

Так и получается, что «ничего» и «пустота» – это слова-антонимы. Ничего – это ничто, пусто, но пустота – совсем наоборот – это уже что-то, это уже какое-то вмещение внутрь. Это уже начинка.

Пустота олицетворяет собой подготовленное к привычной нам жизни бытие, а пусто – воплощает его изнанку, его обратную сторону – небытие. Впрочем, и то и другое – лишь часть общего процесса. И то и другое – лишь полосы на шкуре зебры, и не имеют они ни начала ни конца.

Бытие. Небытие.

Материя. Антиматерия.

Время. Время вспять.

В окончательной сумме всего со всем всегда будет ноль и в этом нуле будет заключен смысл, который так алчно ищет мыслящий человек.

Смысл, который так бережно хранит философ.

– Бесплезно, – Артак был спокоен, и казалось, чего-то ждал, – бесплезно. Зрение здесь бесплезно. Только чувства. Чувства и действия. Только они здесь что-то значат. Только они способны осветить хоть немного этого пространства и, кто знает, возможно, тогда глазам станет светло и ясно. Или, хотя бы, станет немного яснее чем сейчас. Нам подходит любой вариант.

– Я не могу понять что вокруг, – Агафья Тихоновна говорила прямо в темноту, не зная где находится дракон, – пустота или ничего нет?

– Вы считаете это важным?

– Конечно, я считаю это важным. Ничего нет – это ничего нет, это ничто, абсолютный вакуум, это смерть всего материального. Если хотите – даже не смерть, а противоположность всего материального, ничто – это физика наоборот, это анти физика и удаляющийся цифровой

ряд, бегущий в обратном направлении. А пустота – это уже закладка, это уже заполненное и готовое к употреблению ничто, пустота – это поле, на котором может произрастать нечто физическое и осязаемое человеком, нечто привычное для людей и их глаз, – акула вертела головой, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь, – понимаете разницу?

– Да, я понимаю, – Артак шумно и мысленно вздохнул, – как раз я и понимаю.

На одно мгновение Агафье Тихоновне показалось что он немного разочарован или даже раздавлен навалившейся на него тьмой.

– Где он сам? Его нет тут, с нами?

– Он без сознания, – дракон повторил свои же слова, – и именно поэтому так темно. А мы с вами всего лишь жильцы в здании, выстроенном его сознанием. Его сознание, его мысли, его собственный мир и есть наш дом. И в нашем доме сейчас выключили свет. Или даже не так, – Артак на мгновение задумался, – не просто выключили свет! В нашем, полностью электрифицированном доме сейчас полностью исчезло само электричество. Исчезло как факт, исчезло как материя, исчезло как физическая величина.

– Но разве мы сами не являемся чётким и недвусмысленным указанием на наличие этого самого сознания? Ведь вы сами, Артак – не что иное как его мысли – и вы есть, вы существуете, не так ли? А раз вы никуда не пропали, то существует и основа этого самого сознания – вы – ведь мысль – это прежде всего способность этого самого сознания выражать себя, мысль – это его способность вывернуть себя наизнанку. А наизнанку можно вывернуть лишь только реальные вещи, не так ли? – Агафья Тихоновна немного помолчала и закончила:

– И я – его речь – точно такая же способность того же самого сознания, но уже в вербальной, и поэтому, иногда в несколько искажённой, по отношению к мыслям, форме. Я правильно всё понимаю? – Агафья Тихоновна говорила размеренно, в полной и непроглядной темноте, и от этого её голос звучал несколько зловеще.

– Правильно, всё правильно, – Артак усмехнулся, – вы всё говорите правильно, но только его физическое тело об этом не знает, – дракон тихонько засмеялся, и вместе со смехом тьма, самым что ни на есть волшебным образом, немного отступила, – нам с вами, в отличие от его тела, нет надобности ни в каком электричестве. Электричество необходимо лишь материи, электричество необходимо лишь телу, которое способно чувствовать боль. Электричество необходимо лишь телу, которое способно умирать, в конце концов.

– И что?

– Мы же с вами есть порождение другого уровня. Вы – порождение культуры, плод буквенной абстракции, созданной многими поколениями человечества, и ваша сила заключена в энергии времени всех этих поколений, а уж это много больше чем энергия времени одного лишь человека, я же... – Артак внезапно замолчал, – я же... Впрочем, неважно... Мы вернемся к этой теме, когда достигнем квантового уровня. Сейчас нам важно одно – ни вам, ни мне недоступно ни ощущение боли человеческого тела, ни ощущение даже его смерти. Ведь ни слова, ни мысли не способны ощущать. Они способны создавать то, что порождает ощущения, понимаете? Мы с вами – порождение и проявление более тонкого уровня – уровня создающих, в уровне более плотном – в уровне создаваемых, то есть в уровне телесных воплощений.

– Поэтому мы остались в темноте?

– Поэтому мы остались. Разве это непонятно? Поэтому мы просто остались. Мы остались там же где и были, мы – есть, а его – нет. Точнее, нет его тела. Темнота лишь показывает нам состояние этого тела, но мы от него не зависим. Ведь, повторюсь, нам с вами нет никакой необходимости в электричестве, питающем материю, а у его тела такая необходимость есть. Мы – даже наоборот – мы даже способны некоторым образом производить это самое электричество, – Артак усмехнулся.

– Хм... – пробормотала про себя Агафья Тихоновна, – хм... Производить то, что питает тело? – она выдержала вопросительную интонацию, хотя по всему было видно, что вопрос

гипотетический и в ответе нет никакой необходимости, – чем дальше – тем темнее, – акула глубоко вздохнула, а Артак, тем временем, продолжал:

– В мире, где живут люди, а точнее – в мире, где они предпочитают жить, – дракон думал неторопливо, подбирая слова, – всё ещё продолжают существовать объекты, которые выполняют строго определенные действия. Так, например, существует человек, который спит, как и существует собака, бегущая по дороге, или птица, летящая в небе. А в следующем витке мироздания, на следующей его ступеньке, – Артак на мгновение задумался и замолчал, но встряхнул головой, и спустя всего лишь пару мгновений продолжил:

– Даже не так. Не в следующем витке и не на следующей ступеньке. Просто, с ростом понимания сознанием некоторых элементарных вещей, сам мир, освобождаясь от никому ненужной материальной шелухи, начинает открывать своё истинное, своё чистое и честное лицо. И на этом лице нет места ничему что можно было бы назвать именем существительным. Сам объект пропадает. Любой объект просто пропадает. Нет его. И судя по всему – никогда и не было. Остаётся одно лишь действие. Остаётся лишь глагол без имени существительного, и этот глагол определяет и необходимость наличия самого объекта, производящего действие. Объект становится вторичен, он становится словно порождением действия, понимаете? А в мире людей и предметов вторично само действие, но первичен объект, производящий оное. Ведь на самом деле – голое, ничем не обременённое, и поэтому безупречное и безошибочное действие – основа вещей. И здесь, – Артак оглянулся вокруг, – здесь темно именно потому что нет никаких действий, а предметы не в состоянии осветить ни этот, ни какой-либо другой мир.

– Вы сказали – глагол определяет объект?

– В настоящем, в действительном мире – да. В настоящем мире действие определяет сам предмет и обязывает его выполнить себя самое, а в вымышленном – наоборот – предмет выбирает себе действие и выполняет его. В настоящем мире действие – есть основа, фундамент и, если хотите, только это действие, только эта основа и существует. Всё остальное, включая предметы и тела, кажущиеся важными там и абсолютно неважные здесь – они лишь подтягиваются под необходимость выживания жителя этого мира, подтягиваются под необходимость того, что определённое действие должно быть выполнено, а поступок совершён. И всё это лишь для того, чтобы объект мог считаться живым, хоть и иллюзорно живым, но живым! Среди точно таких же иллюзорно живых и в действительности мёртвых объектов.

– А что тогда тут, в этом настоящем мире, делают объекты?

– Объекты важны, но важны примерно так, как человеческие руки важны в мире людей, – Артак кивнул головой в кромешной темноте, – ведь именно объекты становятся инструментами для выполнения каких-либо действий. Объекты всегда вторичны, действия же постоянно на шаг впереди. И необходимость в лидере, необходимость в первичном и определяет то, что именно из вторичного будет воплощено в физическом, в материально-иллюзорном мире людей. Ну, или другими словами, в том мире, в котором люди предпочитают жить только потому, что они его якобы «видят». Видят своими собственными глазами и «видя» даже не сомневаются в реальности того что им удастся разглядеть своим, специально усеченным природой, взором.

– То есть?

– То есть, нет и никогда не было, например, спящего человека – но всегда был и есть его сон, есть его дыхание и сердцебиение. Однако человеческий взгляд способен увидеть лишь спящего человека, но не растянутый во времени процесс. Нет бегущей собаки – но есть её бег, есть перемещение её лап и только, хотя глаза способны различить только движущиеся лапы бегущей собаки и её колышущийся хвост, а человеческий мозг тут же наделяет их правом производить эти действия. И делегируют им ещё одно право – право первопричинности, право быть источником, основанием этого действия – бега. Но, на самом деле – всё с точностью до наоборот. Есть бег, а собака появляется лишь для того чтобы удовлетворить возникшую при-

родную НЕОБХОДИМОСТЬ в этом самом беге, – Артак говорил задумчиво и тихо, – подумайте тогда, реальна ли сама собака? Реальна ли, целостна ли эта совокупность соединенных между собой молекул, которую человеческая речь, полностью полагающаяся на человеческий взгляд, определяет как собаку? Я вам отвечу, – Артак хмыкнул в темноте, – нет, не реальна. Её попросту не существует. Нет никакой собаки. Есть просто бег. И нет никакого человека. Есть просто его сон. Да что там «его». Нет никаких притяжательных местоимений. Если бы мы с вами были людьми, то я мог бы сказать что нет ничего в мире, что можно было бы назвать моим или вашим. Потому что нет никого, кто мог бы что-то иметь. А есть только действие, есть процесс. И есть инструменты, необходимые для его производства и завершения. Без принадлежности к кому бы то ни было.

– И нет птицы в небе? – Агафья Тихоновна, хоть и находилась в крошечной тьме, зажмурилась, представляя новую для неё реальность. Ей было так удобнее фантазировать. Представлять.

– Нет, конечно, нет. Но есть полёт. Он более важен. А если быть точным – то только он и важен.

– И мы сейчас именно там где нет того, кто потерял сознание?

– Да, совершенно верно.

– А что же есть?

– Мы есть. Мысли и разговор. Рассуждения. Процесс. Ведь мы с вами не объекты, намертво привязанные к чьему-то телу, мы с вами и есть этот самый процесс, ради которого это тело, – Артак неопределенно кивнул головой, словно указывая направление, – это тело и было воплощено в видимой иллюзии. И есть природная НЕОБХОДИМОСТЬ в этих процессах – необходимость, которая удовлетворяется, используя его, – дракон ещё раз обвёл глазами пространство, – используя его тело как инструмент, а нас с вами – как необходимые процессы, которые и определили возникновение этого самого тела. И где-то здесь, наверное, должно быть и его потерянное сознание. Где-то рядом с нами. Потому как сознание – это прежде всего процесс и он может, даже должен существовать где-нибудь отдельно от тела или тел, как бы человеческий мозг не старался их соединить в единую суть. И если оно, сознание, потеряно – его можно и нужно отыскать. Его можно даже пощупать руками, если вдруг появится такое желание.

– Я поняла. Где-то есть потерянное сознание, но нигде нет ни мыслящего, ни говорящего, ни осознающего. Нет никого, кто осознавал бы, что сознание потерялось, что его необходимо найти...

– Вы совершенно правы, в осознающем просто нет никакой необходимости. А вот необходимость осознавать есть – и она существует в полном объёме, – дракон кивнул головой, и хоть Агафья Тихоновна не смогла этого заметить в полной темноте, но она в полной мере почувствовала драконий кивок.

Кивок был, и он был понят и принят, а вот кивающего не было – его скрывала темнота. Куда ни посмотри – того, кто кивнул нигде не было. И, возможно, не только не было нигде в пространстве, но и не было никогда во времени.

– А кроме нас тут есть кто-то ещё? Ну или хотя бы что-то?

– Есть.

– Что же это?

– Дыхание.

– И где оно?

– Отсюда и не видно, – Артак тихонько подул на Агафью Тихоновну, а точнее, выдохнул в ту сторону, откуда раздавался её голос, – отсюда не видно, но оно есть. Чувствуете?

– Да, чувствую.

– Дыхание питает не только человеческий мир – мир физических, материальных тел и объектов, но и подпитывает мир этот, – дракон оглянулся вокруг, и выдыхаемым воздухом обозначил свое местоположение, – мир действий. Мир действий и поступков. Потому что дыхание – это тоже процесс. Причем процесс, совершенно независимый от его участника. И неподвластный его воле, ибо дыхание, как я уже сказал – проявление следующего витка понимания, дыхание – это лестница, ведущая в небо.

– А если дыхание пропадет? Уйдет, устанет, испарится?

– Физическое тело погибнет.

– А мы? Что будет с нами? Мы останемся?

– Конечно, останемся. Для нас ничего не изменится, ибо с телом физическим мы связаны очень и очень слабо. Точнее – это оно связано с нами, это мы питаем его – мы даже даём ему необходимое для его существования электричество, но нам самим нет никакой насущной надобности в этом теле, кроме как... – Артак запнулся.

– Но если тело пропадёт, то пропадут и слова, которые оно может высказать, а значит – пропаду и я!

– Нет, нет, – Артак запротестовал, – вы не пропадёте. К тому времени, как тело обратится в прах, у вас может появиться новое воплощение. Так что особо переживать не стоит.

– Новое воплощение? Но какое? – акула была явно заинтересована сказанным и её чёрный лакированный глаз поблескивал любопытством.

– Мало ли какое, – загадочно ответил дракон, – да хоть чистый лист бумаги. Много ли нужно словам, чтобы существовать?

– Ах, – вскрикнула Агафья Тихоновна, – а ведь верно... А вы?

– Я тоже не пропаду. Мысли – как состриженные и отделённые от тела волосы. Например, решил человек подстричься. Волосы упадут на пол и продолжат своё существование отдельно, тогда как голова этого человека, наполненная мыслями свежими и не очень, мыслями вечными и проходящими, своими и чужими – голова останется на своём месте и, кто знает, возможно, потом отрастит новые волосы. А, может быть, и не отрастит.

– И от чего это зависит?

– От её готовности жить без волос.

– А если упадёт голова? – не без иронии спросила Агафья Тихоновна.

– Тогда вы поможете мне найти новый дом, – быстро ответил дракон.

– Я? – удивленно воскликнула акула.

– Именно вы, – подтвердил дракон.

– Но как?

– К тому времени вы уже будете существовать на простом листе бумаги, – напомнил он многозначительно, – а я поселюсь где-то рядом и всегда буду витать вокруг этого исписанного словами и смыслом листа.

– Я понимаю, – акула кивнула, и опять материализовался именно кивок – этот самый что ни на есть реальный житель столь необыкновенного, и пока ещё непонятного акуле мира, – я понимаю.

На некоторое время воцарилось мысленное и словесное молчание. Оно было необходимо для того чтобы Понимание – ещё один невидимый житель этого необыкновенного мира, смогло родиться на свет.

Молчание было, но не было тех, кто молчит.

Не дракон молчал и не акула, а само Молчание выражало себя через дракона.

Само Молчание выражало себя и через акулу.

Существовал лишь процесс, растянутый над множеством объектов, а вот самих молчавших не было нигде, хоть глаз выколи...

Тут вообще не было ничего такого, что не являлось бы действием или поступком. Это был мир глаголов. Мир без имен существительных. И скорее всего, без прилагательных, ибо прилагательные способны только прилагаться к чему-то или к кому-то, то есть прилагаться к имени существительному. Или к местоимению. Прилагательные и должны прилагаться, как ясно видно из названия. Именно прилагаться к чему-то предметному. А здесь прилагаться было не к чему. Были только действия и всё.

– Что же нам делать? – Агафья Тихоновна беспомощно развела плавники в сторону.

– Наблюдать. Пока мы существуем, и более того, пока мы есть, пусть даже в этой крошечной темноте – можете считать, что он в безопасности.

– Как же это?

– Если темнота исчезнет сама собой, – Артак глубоко вдохнул, – это может означать только одно – его физическое тело ушло, и эти тёмные, телесные, материальные границы, загромождающие нам с вами весь существующий свет и невидимую сейчас даль, рухнули.

– А если темнота исчезнет, но не сама собой? – Агафья Тихоновна явно что-то задумала, однако не торопилась поделиться своими мыслями с драконом.

– Что вы имеете в виду? – Артак наморщил лоб, пытаясь предугадать её мысли.

– Ну если темнота исчезнет не сама собой, а с чьей-то помощью?

– Я думаю что в этом случае мы с вами покинем мир действий и вернёмся в более привычную людям вселенную – в мир предметов – в мир, где предметы пытаются главенствовать над поступками. И, конечно же, – Артак немного подумал, – конечно же, сознание вернётся к своему хозяину. Однако, оно вернется вместе с болью и непониманием, которые всегда сопровождают тела на их предметном, физическом уровне.

– Вы предлагаете...

– Я предлагаю просто наблюдать. И что бы ни произошло – именно это действие будет верным и правильным.

– А я предлагаю нечто иное.

– Что же? – в мыслях Артака звучала заинтересованность.

– Я предлагаю действовать! И раз мы в мире действий, то давайте этим воспользуемся! Давайте разведём огонь. Я, например, смогла бы достать дрова и спички. И мы вместе смогли бы развести большой и яркий костёр. Ведь это действие вполне в наших силах... Возможно, это поможет... Костёр смог бы дать свет, столь необходимый ему чтобы проснуться.

Дракон, одновременно удивлённо, и с изрядной долей восхищения повернулся к Агафье Тихоновне и прошептал уже не мысленно, но вслух:

– В наших. Вполне. Конечно, поможет. Действительно, как я сам не подумал... Да если и просто наблюдать... При свете-то виднее...

– Ну конечно! При свете от костра мы наконец-то сможем увидеть всё то, что нас окружает.

– Вы правы, – только и произнес дракон, – но ведь самого костра здесь не будет. Будет лишь горение. Процесс. Будет лишь действие, дающее нам свет и тепло.

– Ах не все ли равно, – возразила акула, одновременно кивнув головой, – будет костёр или нет, лишь бы был свет, который он даёт.

– Вы правы. Если возникла необходимость в свете, то костёр – лишь инструмент, которым эта необходимость пользуется, да и мы с вами – тоже. Всегда надо учитывать то, в какой из реальностей ты находишься, – Артак усмехнулся, – и если необходимость возникла, то не нам с вами с нею спорить. Тем более, что нас-то тут и нет. Здесь существуют только лишь наши действия и поступки.

Агафья Тихоновна, не мешкая более ни мгновения, как всегда, используя свою способность доставать всё что угодно прямым из ниоткуда, начала с того что достала из-за спины мощный электрический фонарь. Она крепко держала его в плавниках и направленным лучом освещала пространство вокруг себя. Судя по всему, акула искала место для костра. Правда, было непонятно – могло ли быть в этом мире какое-либо место, ведь само место – это предмет, а даже если не предмет, то уж никак и не действие.

В какой-то момент луч фонаря выхватил из темноты драконью голову, повернутую в направлении светового луча.

Артак с интересом наблюдал за действиями Агафьи Тихоновны, однако не вмешивался и сохранял полное молчание. Не только словесное, но и мысленное. А его морда время от времени принимала насмешливое, но совсем не злое выражение. Да, да, выражение морды было, и оно было ироничным, может быть даже немного ехидным, а вот самого выражающего – того, кто выражал эту насмешку и иронию – нет. Не было его, да и не могло быть. Никак не могло. Такова была физика данного мира.

– Смотрите, – акула поднесла к глазам какой-то осколок, валяющийся в ногах, и случайно попавший в луч фонаря, – смотрите, – она протянула его дракону, – зеркало.

– Да, зеркало, – дракон внимательно рассмотрел осколок и вдруг улыбнулся, как-то широко и по-доброму, – а вы знаете, – он замешкался, словно споткнулся о какую-то мысль, – знаете, это ведь очень хорошо.

– Хорошо, что зеркало?

– Хорошо, что есть хоть что-то.

– ???

– Если бы не было совсем ничего, боюсь, это бы означало, что мы его потеряли.

– Да? Тогда, конечно, хорошо! Хорошо, что есть хотя бы зеркало, – Агафья Тихоновна шумно и с облегчением вздохнула, однако, так до конца и не осознав сказанное.

– Зеркала нет, – Артак задумчиво всматривался в остроугольный кусок покрашенного стекла, от которого отскакивал электрический свет фонаря, – но есть его способность отражать. И знаете, этого вполне достаточно.

– Ах, да, я и забыла, – акула повторила про себя, как хорошо заученный урок, – зеркало существует только в наших умах, привыкших к объектам. Здесь же существует только его способность – и эта способность – отражать свет, – она повторила, словно заучивая и покрутила в плавнике ещё один зеркальный кусок. Таких кусков и кусочков здесь было разбросано огромное количество. – Но откуда здесь эти осколки?

– Это может означать только одно, – Артак отстраненно рассматривал битое стекло, – только одно. Одно и ничего кроме этого.

– Что же?

– Кроме нас с вами где-то здесь должно существовать и его потерянное сознание, не так ли?

– Да, – Агафья Тихоновна все ещё не понимала куда клонит дракон, – но сознание, как объект, здесь существовать не может, не так ли?

– Как объект – нет, но шутка в том, что все эти действия и процессы, которые вполне и с комфортом могут здесь разместиться, – Артак обвел взглядом темное пространство, – должны существовать именно где-то, понимаете? И сознание, как ничто другое, идеально подходит на роль большого и доброго дома для всех этих процессов. Дома для всех этих процессов и действий, которые реально существуют здесь, – он немного помолчал и неуверенно добавил:

– Здесь, в сознании. И похоже на то, что мы нашли это здесь. Похоже на то, что мы нашли его сознание. Правда немного разбитым, – Артак запнулся.

– То есть...

– То есть, его сознание и этот дом, выстроенный из зеркальных, а сейчас – разрушенных стен – суть одно и то же.

– Зеркало? – Агафья Тихоновна запнулась на полуслове и вдруг с удивленным вскриком прикрыла пасть передними плавниками, – я поняла! Я поняла! Дом с зеркальными стенами!

Дракон усмехнулся и немного грустно продолжил:

– Я думаю, именно так оно и есть. И этот мир, являющийся всего лишь нашим домом, и человеческое сознание, и эти разбитые зеркальные стены – всё одно и то же. Это дом для мыслей и слов. И сейчас этот дом, в котором мы с вами и живем, внезапно, и по независящим от нас причинам, был некоторым образом разрушен, – Артак продолжал крутить в лапах зеркальный осколок, – а если дом разрушен, то от дома остаются развалины, не так ли? А что здесь? Здесь осколки зеркала. Насколько я могу понять никаких других развалин тут нет. Значит, именно эти осколки и были нашим общим домом.

– Дом-то разрушен, – задумчиво проговорила Агафья Тихоновна, – но мир-то остался.

Артак посмотрел на неё многозначительно.

– Остался, – кивок не замедлил себя ждать, – остался, – повторил он и усмехнулся, – и это лишний раз доказывает некоторую несущественность одного дома на застроенной улице. Или даже в застроенном домами городе. Или на планете. Мир продолжает существовать в любом случае.

– А осколки зеркала?

– Не беспокойтесь о них, – дракон помедлил всего лишь одно мгновение, – как видите, они никуда не делись, и каждый проходящий мимо и имеющий глаза может заглянуть в любой приглянувшийся ему осколок, и кто знает, возможно, внимательно смотрящий сможет разглядеть там что-либо интересное...

– Вы думаете...

– Я думаю, что даже в случае физической, телесной смерти человека, эти зеркальные осколки растворятся в общей картине существующего мира. Они впадут в общее мироздание так, словно река впадает в море. И, соответственно, они немного изменят это море, немного изменят это общее, реально существующее. Если, конечно, к тому времени будет чему впадать и будет чему растворяться... Ведь многие люди так и живут даже не имея этого зеркального дома! И несмотря на это, они иногда чувствуют себя счастливыми... Но живут ли они? Вот в чём вопрос?

– Да, да, – акула о чём-то сосредоточено думала, – я понимаю. А все процессы, происходящие тут лишь наполняли этот дом жизнью, так?

– Похоже на то, – согласился Артак, – но не все процессы можно назвать этим громким словом, которое так любят повторять люди. Я имею в виду слово «жизнь».

– Но ведь мы с вами остались!

– Да, но это совсем не меняет сути. Мы никуда и не можем деться. Не забывайте, что мы с вами отнюдь не бесплатное приложение к любому жилищу, сродни выдуманного и прикрепленного к дому кобальда или домового, мы с вами – самостоятельная и очень мощная сила – сила творящая, созидающая, формирующая. И вовсе не человек пользуется нами, а наоборот – это мы управляем человеком, мы и создаём его. И если управление – наше с вами дело, то это, – дракон повертел в лапах зеркальный осколок, – то это и наш дом, а значит – нам тут и убираться. Ведь в любом доме всегда должно быть чисто, не так ли? – Артак засмеялся, – и кроме того – и мысли, и слова, точно так же, как и бесконечно отражающие зеркала – всё это может уже быть или только ещё стать родным и близким, вожделенным и долгожданным, желаемым домом для человеческого сознания. И это значит что у нас с вами всего несколько вариантов – мы должны прибраться или в уже давным-давно существующем – в нашем собственном, общем доме, или восстановить дом разрушенный, понимаете? Или ещё один, последний вариант, не сильно благоприятный для него, – Артак посмотрел куда-то вверх, неопределённо, –

мы с вами должны найти себе новый дом, ну или стать домом для кого-то ещё, – дракон мелко и безостановочно закивал головой, как будто сам Кивок – абориген этого мира – задержался в гостях и не торопился уходить, – или блуждать в темноте, пока наш новый дом сам не отыщет нас, что, конечно же, тоже является одним из возможных вариантов.

– Но ведь это зеркало разбито, а не потеряно! – акула повысила голос, – разбито – значит уничтожено, не так ли? Наш дом разрушен, да, согласна. Разрушен, но не потерян. И значит, наш дом можно восстановить, пусть даже если из мельчайших осколков. А его, – Агафья Тихоновна показала плавником куда-то вверх, показала неопределённо, словно кружась в танце разговора, – его сознание всего лишь потеряно, не так ли? Потеряно, но цело? А если так, то его можно найти с помощью самого простого луча света, созданием которого мы с вами сейчас и озабочены. Но если с его помощью мы находим лишь мелкие осколки зеркала... – Агафья Тихоновна помолчала всего лишь одно мгновение, – это значит что зеркало было не только потеряно – оно было разбито... Но тогда... Тогда он стал бы безумен, ведь так? Осколочное сознание... – акула говорила невпопад, – и у каждого осколка свой собственный луч. И каждый луч светит в своём собственном направлении. Получается что некогда цельное сознание раздробилось на миллионы частей. Продолжает ли оно в таком случае существовать? Может ли оно принести своему хозяину что-то полезное? Или, кроме безумства, нам ничего более ждать не приходится?

– Безумен? Вы думаете, он стал безумен? – дракон рассмеялся, – нет, нет, что вы. Безумие – то самое безумие, которое вы имеете в виду – одно из редких, можно сказать – редчайших проявлений человеческой многогранности. Такое безумие – точно такой же инструмент эволюции, как и любая другая мутация – мутация физиологическая, телесная. По сути своей, как общепринятое безумие, так и общепринятая нормальность – это одно и то же, это плоды одного дерева, и даже плоды всего лишь одной его ветки – ведь и там и там сознание присутствует в полном объеме. Запомните это, – дракон поднял лапу, – в полном объеме! Ведь вы же не будете отрицать, что здесь, в этом месте, сознание, хоть и разбито, но сохранено? И что при большом желании мы смогли бы восстановить зеркальные стены нашего общего дома и продолжить бесконечно отражаться от них? Или смогли бы мы, например, создать единое и цельное зеркальное полотно из тех самых осколков что разбросаны перед нами? – Артак вдруг запнулся, внимательно посмотрел на Агафью Тихоновну и повторил:

– И продолжить бесконечно отражаться от стен нашего общего дома.

Он замолчал, и в этом молчании было больше смысла чем во всех валяющихся то тут то там разбитых зеркальных стенах.

– Нет, – вдруг произнёс дракон, – нет и ещё раз нет, – он протянул лапу к акуле и мощно схватил её за плавник, – знаете что я вам скажу? – Артак не стал ждать ответа и продолжил:

– Я вам скажу что разбитое зеркало – это прежде всего свобода. Это освобождение, которое рано или поздно должно было произойти. Это разрушение иллюзий тысячи взаимных отражений, это потеря не дома – это потеря искажений, которые несут эти разноугольные отражения. Это потеря старой, тесной будки с маленькими подслеповатыми окнами в мир. Это обретение новой и современной крыши над головой – безначальной и бесконечной – как сам мир, в котором мы оказались. Это постоянная и ничем не ограниченная защита. Это – благо.

– Разрушение нашего дома – благо?

– Конечно, – Артак был в самом что ни на есть замечательном расположении духа, – разрушение зеркальных и отражающих друг друга стен – самое высшее благо. Это начало познания и обретения бесконечности.

– Вы хотите сказать что он умер?

– Я хочу сказать что он освободился, – поправил Агафью Тихоновну Артак, – освободился, понимаете? Да, вы правы, некоторые люди получают столь долгожданное освобождение только с физической смертью своего тела – это то несчастное большинство, которому пред-

стоит ещё очень долгий путь; а количественно незначительное – то думающее меньшинство, и более того, только некоторые из них – получают свободу при жизни, и тогда у них нет иного пути, кроме как отражать падающий на них отовсюду свет – и отражать его в бесконечность. И нет у них другого предназначения, кроме как светить другим, кроме как...

– Отражать свет в бесконечность? – даже в полной темноте было видно как Агафья Тихоновна широко открыла глаза.

– Да, да, да! И значит, наша задача – собрать все до единого осколки, но не для постройки новых старых стен, а для строительства ровного, гладкого и, следовательно – правдивого и всего лишь ОДНОГО зеркала, которое отныне и будет нашим домом. Отныне – мы с вами странники этой зеркальной поверхности, странники, чьей крышей является одно лишь небо, а стенами – весь мир.

– А сможет ли эта поверхность укрыть нас от непогоды так, как это делали бывшие стены? – Агафья Тихоновна кивнула на зеркальные осколки.

– Нет, – Артак крикнул так громко, что зеркало в его лапе завибрировало, сначала тонко, потом гуще, нарастая, – непогода отныне – наша стихия, и более того – она – наша единственная стихия. И нет нам никакой нужды от неё укрываться, ибо она – и есть мы, она – есть наша суть. Бунтарство ради порядка... Укрыться от себя? Стоит ли? Нужно ли?

– Мы слились с вечным?

– Мы создали его.

– А то, что было до нас? До нашего созидания?

– И это были мы.

– Единое сознание?

– Тоже мы.

– Единое?

– Одно-единственное, цельное и нерушимое.

– И это не сумасшествие?

– Выражение единого сознания и его трактовка, его интерпретация – одним словом, человек – конечно, может считаться безумным, по безоговорочному праву большинства, ибо это право незыблемо в человеческом обществе, но только у этого самого большинства. У большинства, которое само определило себя нормальным, понимаете? Ведь, когда дело касается человека, ещё никто не смог определить это понятие – понятие нормы. Никто не смог определить и никто никогда не сможет его определить. Потому как нет его, нет этого понятия, да и быть не может. Для того чтобы определить внутреннее надо быть глубоко снаружи. Для того чтобы увидеть правду – необходимо стать вне её, необходимо покинуть её – следовательно, необходимо стать ложью. И поэтому так необходимо в любом из существующих миров наличие и того и другого, ибо одно бессмысленно без своей противоположности, бессмысленно и даже противно. Вся природная правда теряет свой высший смысл в отсутствии лжи, – Артак мягко отпустил акулий плавник, – так что абсолютно всё, что существует в природе – нормально. Всё что существует – норма. И только человеческое общество считает что норма – это качества, присущие большинству его членов. Однако, это не норма. Это голосование. И при таком голосовании все остальные качества, могущие быть полезными, и более того – полезными этому самому обществу, считаются отличными от нормы, то есть ненормальными. И всё. Точка. В любом обществе принято так считать, и принято так считать, к слову будет сказано, этим самым большинством, – дракон ещё раз залиvisto рассмеялся, – и знаете что я вам скажу по этому поводу? – не дожидаясь ответа, он быстро продолжил:

– Бойтесь большинства, как огня. Даже более того – как только вы отнесете себя к большинству, к любому большинству – знайте – с вами уже что-то не так. Большинство, как бы оно ни выглядело изнутри этого самого большинства, или снаружи него – всегда ошибается. Но ошибаясь, оно, к моему большому сожалению, продолжает диктовать правила этой игры,

называемой жизнью, и к моему большому счастью – диктует лишь в той её части, где игра – всего лишь игра. Большинство диктует всем – и себе, и незаметному в его тени меньшинству. Большинство диктует правила, которые каждый может принять, опутав себя ими как лианами, ограничивающими свои собственные действия; или отказаться принимать, легко разорвав этим своим отказом стягивающие их движения веревки. И отказавшись, стать, хоть на самую малость, но более свободными. Кстати, впоследствии, только эти отказники смогут назвать игру жизнью – полной и всеохватывающей. Ибо лианы уже не сковывают рук играющих, но всё-таки продолжают висеть на их руках, как вожжи, – Артак замолк на мгновение, – а вожжи, как известно, даны кучеру для того чтобы лошадь избрала нужное ему направление. И общественная лошадь послушно семенит по избранной кучером дороге, иногда переходя на аллюр или галоп, опять-таки, по желанию возницы. И направление самой дороги, как и правила дорожного движения – а значит, и правила самой жизни определяет и устанавливает тот, кто распутался; тот, кто свободен от марионеточного мышления; тот, кто может танцевать не боясь падения; тот, кто продолжает держать веревки, спутывающие пляшущих в своём беге лошадей уже в своих руках, и более того – диктующих им эту пляску. И эти люди как раз и есть то меньшинство, которое отказалось принимать правила игры, общие для всех, отказалось принимать и поддерживать мысли и действия большинства.

– А если выкинуть веревки? – акула невольно подалась чуточку вперед, словно хотела услышать ответ дракона хоть немного, но раньше.

– Если выкинуть веревки... – глаза Артака блеснули жёлтым... – Тот кто выкинул верёвки из своих рук может по праву считаться меньшинством из меньшинства, – он захохотал, – ибо и в меньшинстве всегда будет своё большинство, и по сравнению с меньшинством меньшинства оно тоже будет ошибаться. И полностью отказаться от управления, полученного хоть и по праву, пустить повозку по воле ветра могут совсем немногие.

– Но почему большинство всегда ошибается? – акула внимательно слушала, и чувствовалось что эта тема ей интересна.

– Потому что природа не заинтересована в мыслящем большинстве, – серьёзно ответил дракон, – потому что природе необходимы исполнители её необходимостей, а никак не их инициаторы. И именно поэтому любое большинство всегда будет использоваться самим обществом для наиболее неквалифицированной работы – несложной умственно, но сложной физически. Природе нет НЕОБХОДИМОСТИ в более чем паре-тройке одарённых людей на сотню-две. Если же речь заходит о гениях, то можно говорить и об одном на миллион, а то и на миллионы, – Артак откашлялся и закончил:

– А если у природы нет такой необходимости, то соответственно, она и не будет реализована тем самым сознанием, о котором мы говорили – сознанием цельным и неделимым, сознанием всеобщем. Ибо реализовываются только необходимости, но никак не желания, кому бы они ни принадлежали.

– Но кто определяет эти самые необходимости? – Агафья Тихоновна вся превратилась во слух, – тот, кто держит верёвки в своих руках?

– Нет, – дракон невесело усмехнулся, – тот, кто держит верёвки лишь руководит. А тот кто нашёл в себе мужество их бросить – тот и определяет действия тех, кто руководит. Потому что имеющий столь поразительное мужество сам превращается в природу, и следовательно – сам определяет эти природные необходимости, которые неизменно реализуются через держащих, а уж потом – через скованных.

– Но кто же это?

– Кто? – Артак громко рассмеялся, – я не знаю кто. Но одно я точно знаю – каждый ДУМАЮЩИЙ участвует в процессе.

– Каждый?

– Без исключения.

– Вы говорите серьёзно? – Агафья Тихоновна внимательно смотрела прямо в глаза Артака, которые вновь осветились жёлтым солнечным светом.

– Как никогда серьёзно. Но сейчас это не главное, к этому вопросу мы с вами вернемся в своё время. Сейчас речь не об этом.

– Да, да, – словно опомнившись от сна, акула встрепенулась, – сейчас есть вещи и поважнее. Итак, насколько я поняла, мы нашли разбитое человеческое сознание, так ведь? Разбитое, но не потерянное, да?

– Всё так, всё так, – Артак продолжал мелко и часто кивать головой, держа в лапах зеркальный осколок, – всё так, хотя может быть и совсем наоборот. Разрушенный, а не потерянный дом, как и разрушенное сознание, может говорить нам лишь о глубине возникшего вопроса, но отнюдь не о невозможности его решения, – дракон подобрал ещё один осколок и попытался совместить их, держа в передних лапах, и вдруг улыбнулся так чисто и искренне, что от одной его улыбки вокруг стало светлее, а мысли прояснились сами собой, – милая Агафья Тихоновна, ну конечно же, сознание не только разбито! Оно совершенно однозначно потеряно! Совершенно однозначно! Потеряно! – дракон громко и весело рассмеялся, – Потеряно! Потеряно! Никаких сомнений более!

– Но почему?

– Ответ, как всегда, кроется в самом вопросе! – Артак пришёл в замечательное расположение духа, – ведь вы только что сами сказали что мы его нашли, правильно?

– Да! Нашли! И что?

– А то что найти можно только что-то утерянное, ну или брошенное, что в данном случае одно и то же, – Артак опять улыбнулся, – вы знаете, мне кажется, я наконец-то понял.

– Что поняли?

– В этом мире нет предметов, но есть действия. Однако и сами предметы тут все-таки сохраняют свою сущность, сохраняют энергию материи, из которой они состоят, просто в этом мире они становятся невидимы точно так же, как, например, в материальном, в человеческом мире мы с вами не в состоянии увидеть эти самые действия или процессы. Там мы способны разглядеть только их следствия – предметы. Но и действия, и процессы, и предметы физического мира – все они сохраняют свою сущность в любом из миров, однако видимы и осязаемы, ощущаемы они становятся только в своих родных пространствах. Ну, например, мы видим лопату и можем копать, но само «копание», которое можно было бы каким-либо образом зафиксировать в едином моменте, да хоть на фотографии – в человеческом мире предметов и вещей отсутствует. А если быть точнее, то оно есть, но просто-напросто растянуто во времени и мы не можем взять его, зафиксировать, вырвать из бытия, не можем положить в карман. А лопату, как предмет – вполне себе можем. Пока понятно?

– Да, да, – Агафья Тихоновна сосредоточено кивнула, – понятно, продолжайте.

– Здесь же всё с точностью до наоборот. Процессы – вот они, бери и пользуйся, хочешь – в карман клади, хочешь – в кладовку спрячь, тогда как зафиксировать и положить в карман какой-либо предмет не удастся. Не потому что их здесь нет, а потому что они тут невидимы, и возможно, растянуты, если не во времени, то в чём-то другом, и поэтому не подлежат никакой мгновенной фиксации. Понятно?

Агафья Тихоновна недоверчиво усмехнулась и взяв осколок зеркала молча положила его в карман пальто.

– Ну как же нет, когда вот он – предмет. И вот он уже в моем кармане, – акула мерзко захихикала, чувствуя свое превосходство, но быстро осеклась, глядя на серьёзное выражение морды Артака.

– Ах, почему так часто слова опережают мысли? – воскликнул дракон, потом глубоко, но не тяжело вздохнул и продолжил:

– Этот предмет виден вам, ибо вы сами по себе представитель совершенно другого мира. Вы можете его видеть точно так же, как видите меня или себя, понимаете? Однако, вас здесь нет, по крайней мере для жителей этого мира мы невидимы и бестелесны. Вы, с их точки зрения – лишь невидимое действие, как, например, с вашей точки зрения невидим в застывшем мгновении сам процесс копания. А видимы для них, и более того – мгновенны и подлежат фиксации лишь наши действия и наши поступки. Нас же самих здесь нет. И точно так же, живущие тут аборигены неразличимы для наших органов восприятия. Вполне возможно, что этот мир и сейчас полон различных событий, однако мы с вами, как и раньше, в состоянии увидеть глазами только сами предметы, которые вызывают эти события, ну или наоборот – предметы, которые являются следствием этих событий, понимаете? Ну а сами по себе – физические, материальные предметы, к которым все так привыкли в мире людей, для местных жителей они невидимы! Как невидимы для них и мы с вами.

– Так здесь есть кто-то ещё? – акула быстро осмотрелась, держа в плавнике фонарь, и совершенно внезапно, вдруг поняв то, что ей втолковывал дракон, опустила плавник. На её морде было выражение изумления и восторга, – я поняла! Здесь нет, да и быть не может никого, кого бы мы могли увидеть, но тем не менее этот мир, как и любой другой, полон жизни, которую наши органы чувств просто-напросто не способны заметить и зафиксировать! Эти состояния, действия, поступки и движения, которые мы с вами просто-напросто не расцениваем как проявление жизни, а расцениваем как её следствие, так?

– Ну наконец-то! – Артак кивнул и замолчал.

– И что же нам делать?

– Для того, чтобы вернуть сознание его хозяину, если он его просто потерял, нам с вами было бы вполне достаточно найти его в этой крошечной тьме, что мы уже сделали. И для этого вполне сгодился ваш фонарь, – Артак глубоко вздохнул, – но ситуация серьёзнее. Сознание не только потеряно, но и разбито. Это может говорить о многом. И в большинстве своём – о неприятном. Впрочем, в меньшинстве своём – об очень даже приятном, – Артак засмеялся высоко поднимая голову и освещая жёлтым небосвод этого удивительного мира.

– Например? – быстро отреагировала Агафья Тихоновна.

– Мы не знаем как выглядело сознание ДО того как оно было потеряно. Если оно было целым – одно, а что если оно было разбитым изначально? – Артак немного повысил голос, – что, если собрать сознание в единый цельный кусок и есть задача этой игры, которые люди называют человеческой жизнью? Что, если только сам человек в состоянии собрать из осколков целое? Что, если каждому при рождении даны лишь осколки целого зеркала, но именно те осколки, из которых можно, и даже жизненно необходимо сложить это серебряное полотно в полный его размер и в полной же его красе? В ровной и неискажённой красе? Что, если у каждого новорождённого внутри есть все необходимые осколки от этого зеркала, и только собрав, соединив их воедино станет возможен переход ребёнка в человека, и уже человека – далее, на новый уровень? Что, если целое и цельное зеркало всеобщего сознания было разбито изначально, возможно даже специально – разбито и разъединено непосредственно перед рождением тела? Что, если каждое тело и есть отдельно взятый осколок, и лишь осознание цельности бытия, осознание цельности всего живого на земле способно соединить разъединённое? Что, если собрать эту головоломку, познать отражённую сознанием картину целого и есть та единственная цель и тот одинокий смысл человеческой жизни? Что, если так? – Артак понизил голос до шёпота, – тогда мы не то что не должны, мы просто не имеем права вмешиваться в этот процесс. Тогда, если мы хотим действительно помочь – мы с вами должны лишь найти потерянные осколки, найти и вернуть их хозяину, что мы уже и сделали. И всё... Лишь одно мы можем знать точно...

– Что же? – встрепенулась Агафья Тихоновна.

– Мы знаем что собрать можно лишь разрушенное. А это значит, что когда-то из этого зеркала был выстроен дом.

– Когда?

– Это неважно. В этой человеческой жизни или в прошлой, человеческой ли – неизвестно, – Артак задумчиво перебирал осколки, – но дом-то был, одно это точно...

– Но как мы это узнаем?

– А никак, – Артак неопределённо махнул головой, – никак не узнаем.

– Никак?

Артак молча покачал головой из стороны в сторону.

Отрицание – этот местный житель, этот абориген, тут же обрёл своё телесное воплощение. Не было отрицающего, не было никого, кто смог бы сказать «нет», но само отрицание было, оно уже обрело материальную телесность и осязаемость.

Удивительный, удивительный мир поступков и действий!

Дракон, тем временем, продолжал:

– Одно лишь тело способно ощущать. Самое обыкновенное физическое тело способно изведывать свой мир, подбираясь, тем самым, к миру следующему. И в этом его уникальная, ничем не заменимая роль – вести своего обладателя к знаниям и к ответам. И на ваш вопрос тоже, – дракон рассмеялся, – так что мы с вами никак не узнаем, мы можем лишь предполагать умозрительно, мы можем лишь догадываться, понимаете? И только человеческое тело, состоящее из привычных и видимых людям атомов и молекул, одно лишь тело, облепленное способностями чувствовать, точно так же, как бетонный пирс испещрён и исстелен ракушками, только эта единая совокупность материи способна, благодаря своим внутренним, материальным ощущениям, дать правильный ответ на любой уже существующий или ещё только возникающий вопрос.

– А мы? – Агафья Тихоновна внимательно слушала и иногда кивала головой, словно в знак поклонения местным жителям, в знак понимания.

И точно так же, как минутой ранее Отрицание материализовалось и заполнило собой существующее тут пространство – как только акула кивнула головой в знак понимания – вдогонку отрицанию появилось и оно – это самое Понимание – пришло как хозяин, смешалось с отрицанием – но не умаляя, а поддерживая; не урезая пространство первому, а разделив его с ним. Не угнетая, но помогая отрицанию раскрыться.

И это лишний раз подтверждало лишь то, что понимание и отрицание – и не враги вовсе, а добрые, закадычные друзья, всегда идущие рука об руку, и вполне себе способные существовать в едином мире, и даже более того – не способные существовать одно без другого.

Да и бывают ли враги? Скорее нет – бывают лишь учителя, бывают зеркала, бывают отражения, но враги? Нет, не существуют они ни в одном из миров, ибо равновесие всего со всем – универсальная схема построения любого мира.

Вполне насладившись появлением нового гостя, Агафья Тихоновна повторила вопрос:

– А мы? На что способны мы с вами?

– Мы? – Артак мягко и как-то округло засмеялся, – мы с вами способны на всё остальное, – он добавил немного резкости в свой смех, и круглое тут же обрело углы, – мысли способны СОЗДАВАТЬ то, что тело смогло бы ощущать впоследствии. Мысли, в отличие от привычной людям материи безотносительны, мысли абсолютны, они способны только творить, но они не способны чувствовать. И уже потом, нечто телесное, сотворённое этим мысленным потоком, может как чувствовать, так и быть прочувствованным. Мысли же навсегда остаются в

мире поступков и действий и не покидают его ни на одно мгновение. Мысли сходятся в уровне НАД предметами, ибо именно они их и сотворили.

– Значит вы живёте здесь? – Агафья Тихоновна покрутила головой осматриваясь, – но как тогда вы появились там? – она имела в виду человеческий мир.

– По зову мыслящего, – просто ответил Артак, – никак по-другому мне не попасть туда.

– Я понимаю, – акула кивнула и на мгновение задумалась.

– Что могут мысли я поняла, но речь? Что я могу? На что способна?

– Речь способна выражать мысли и описывать ощущения, – Артак задумался на мгновение и замолчал, но тут же продолжил:

– Речь, точно так же, как и мысль не в состоянии чувствовать, но в состоянии описать эти чувства, она не в состоянии творить, но она способна описать любое из творений. Речь – как наскальная живопись человечества, речь – как связующее звено между творящей мыслью и творимым предметом. Речь – клей, их скрепляющий; речь – их общая смола, речь – это цемент всей стройки, раствор для всего строительства.

Акула кивнула, словно поклоняясь пониманию, и просто спросила:

– Что же нам делать? Что же нам делать?...

Она в растерянности водила фонарем из стороны в сторону, и осколочные отражения электрического света окружили собеседников со всех сторон, как светлячки.

– Я думаю, – в который раз дракон повторил это словосочетание, – я думаю, мы должны собрать и соединить все осколки воедино. Вернуть им целостность и вместе с ней и их способность отражать. Ведь только целое способно отражать безошибочно.

– Но... – акула слабо запротестовала, – ведь вы только что сами говорили что не наше это дело! Как же так?

– Да очень просто, – всё ещё круглый, но пока плоский смех дракона приобрёл объём и шаровидную форму, – если его сознание разбито недавно, то мы с вами просто исправим это, собрав и склеив все осколочки до единого.

– А если... – акула не успела договорить, дракон перебил её, уже отвечая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.